

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

Джордж Фрост Кеннан Истоки советского поведения

Историк-международник и дипломат Джордж Фрост Кеннан (р. 1904) – один из основателей советологии в США. В 1934–1938 гг. он был первым секретарем, а в 1945–1946 гг. советником посольства США в Москве. За годы работы в СССР Кеннан стал ярким противником сталинской системы, убежденным в невозможности сотрудничества с ней. В 1947–1949 гг. он возглавлял отдел Государственного департамента США по планированию внешней политики и сыграл заметную роль в разработке плана Маршалла, стратегии «психологической войны» против СССР. Кеннан – автор внешнеполитической доктрины «сдерживания», изложенной впервые в так называемой длинной телеграмме Кеннана в адрес государственного секретаря США (февраль 1946 г.) и развитой позднее в широко известной статье «Истоки советского поведения», опубликованной за подписью «Х» в июльском номере журнала «Форин афферс» за 1947 год. Позднее Кеннан пересмотрел свои взгляды на возможность сотрудничества с СССР.

Печатается по изд.: США: экономика, политика, идеология. – 1989. – № 12. Перевод Г.В.Задорных.

I

Политическая сущность советской власти в ее нынешней ипостаси есть производное от идеологии и сложившихся условий: идеологии, унаследованной нынешними советскими лидерами от того политического движения, в недрах которого и произошло их политическое рождение, и условий, в которых они правят в России почти 30 лет. Проследить за взаимодействием этих двух факторов и проанализировать роль каждого из них в формировании официальной линии поведения Советского Союза – для психологического анализа задача не из легких. И тем не менее стоит попытаться ее решить, если мы хотим уяснить для себя советское поведение и успешно ему противодействовать.

Обобщить набор идеологических положений, с которыми советские лидеры пришли к власти, нелегко. Марксистская идеология в том ее варианте, который получил распространение среди российских коммунистов, все время неуловимо видоизменяется. В ее основе обширный и сложный материал. Однако главные положения коммунистического учения в том виде, в каком оно сложилось к 1916 году, можно суммировать следующим образом:

- а) основной фактор в жизни человека, определяющий характер общественной жизни и «лицо общества», – это система производства и распределения материальных благ;
- б) капиталистическая система производства отвратительна, потому что неизбежно ведет к эксплуатации рабочего класса классом капиталистов и не может в полной мере обеспечить развитие экономического потенциала общества или справедливое распределение материальных благ, созданных человеческим трудом;
- в) капитализм несет в себе зародыш собственной гибели, и вследствие неспособности класса, владеющего капиталом, приспособиться к экономическим изменениям власть рано или поздно неизбежно перейдет в руки рабочего класса с помощью революции;
- г) империализм как последняя стадия капитализма неизбежно ведет к войне и революции.

Остальное можно изложить словами Ленина: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран...»¹ Нужно заметить, что не предполагалось, чтобы капитализм погиб без пролетарской революции. Чтобы опрокинуть прогнивший строй, необходим последний толчок со стороны революционного пролетарского движения. Но считалось, что рано или поздно такой толчок неизбежен.

В течение пятидесяти лет до начала революции такой образ мыслей был чрезвычайно притягателен для участников российского революционного движения. Разочарованные, неудовлетворенные, потерявшие надежду найти самовыражение в тесных рамках политической системы царской России (а может быть, чересчур нетерпеливые), не имевшие широкой народной поддержки своей теории о необходимости кровавой революции для улучшения социальных условий, эти революционеры в марксистской теории увидели в высшей степени удобное обоснование своих инстинктивных устремлений. Она давала псевдонаучное объяснение их нетерпению, категоричному отрицанию чего-либо ценного в царском строе, их жажде власти и отмщения и стремлению добиться своих целей во что бы то ни стало. Поэтому неудивительно, что они без колебаний уверовали в истинность и глубину марксистско-ленинского учения, столь созвучного их собственным чувствам и устремлениям. Не стоит ставить под сомнение их искренность. Это явление старо как мир. Лучшее всего об этом сказал Эдуард Гибсон в книге «История упадка и разрушения Римской империи»: «От энтузиазма до самозванства один шаг, опасный и неприметный; демон Сократа являет собой яркий пример того, как мудрый человек иногда обманывает себя, добрый человек обманывает других, а сознание погружается в смутный сон, не отличая собственных заблуждений от умышленного обмана». Именно с таким набором теоретических положений большевистская партия пришла к власти.

Здесь необходимо отметить, что на протяжении многолетней подготовки к революции эти люди, да и сам Маркс, уделяли внимание не только той форме, которую примет социализм в будущем, сколько неизбежности свержения враждебной власти, что, по их мнению, должно было обязательно предшествовать построению социа-

¹ Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354.

лизма². Их представления о позитивной программе действий, которую надо будет осуществлять после прихода к власти, были большей частью расплывчаты, умозрительны и далеки от реальности. Не существовало никакой согласованной программы действий, помимо национализации промышленности и экспроприации крупных частных состояний. В отношении крестьянства, которое, согласно марксистской теории, не является пролетариатом, в коммунистических взглядах никогда не было полной ясности; и в течение первого десятилетия пребывания коммунистов у власти этот вопрос оставался предметом споров и сомнений.

Условия, сложившиеся в России сразу после революции, – Гражданская война и иностранная интервенция, а также тот очевидный факт, что коммунисты представляли лишь незначительное меньшинство русского народа, – привели к необходимости установления диктатуры. Эксперимент с «военным коммунизмом» и попытка немедленно уничтожить частное производство и торговлю повлекли за собой тяжелейшие экономические последствия и дальнейшее разочарование в новой революционной власти. Хотя временное ослабление усилий по насаждению коммунизма в виде новой экономической политики несколько облегчило бедственное положение в экономике и, таким образом, оправдало свое назначение, оно наглядно показало, что «капиталистический сектор общества» все еще готов немедленно воспользоваться малейшим ослаблением давления со стороны правительства и, если дать ему право на существование, будет всегда представлять собой мощную оппозицию советскому режиму и серьезного конкурента в борьбе за влияние в стране. Примерно такое же отношение сложилось и к крестьянину-единоличнику, который, по существу, тоже был частным, хотя и мелким производителем.

Ленин, если бы он был жив, возможно, смог бы доказать свое величие примирить эти противоборствующие силы на благо всего российского общества, хотя это и сомнительно. Но как бы то ни было, Сталин и те, кого он возглавил в борьбе за наследование ленинской руководящей роли, не желали мириться с конкурирующими политическими силами в сфере власти, которой они домогались. Слишком остро они ощущали непрочность своего положения. В особом их фанатизме, которому чужды англо-саксонские традиции политического компромисса, было столько рвения и непримиримости, что они и не предполагали постоянно делить с кем-то власть. От русско-азиатских предков к ним перешло неверие в возможность мирного сосуществования на постоянной основе с политическими соперниками. Легко уверовав в свою собственную доктринерскую непогрешимость, они настаивали на подчинении либо уничтожении всех политических противников. Вне рамок коммунистической партии никакой стройной организации в российском обществе не допускалось. Разрешались только те формы коллективной человеческой деятельности и общения, в которых партия играла главенствующую роль. Никакая другая сила российского общества не имела права существовать как жизнеспособный целостный организм. Только партии разрешалось быть структурно организованной. Остальным была уготована роль аморфной массы.

Этот же принцип господствовал и внутри самой партии. Рядовые члены партии, конечно же, участвовали в выборах, обсуждениях, принятии и осуществлении решений, но занимались этим не по собственному побуждению, а по указанию всеявшащего трепет партийного руководства и непременно в соответствии с вездесущим «учением».

Хочу еще раз подчеркнуть, что, возможно, эти деятели субъективно и не стремились к абсолютной власти как таковой. Они, несомненно, верили – им это было легко, – что только они знают, что хорошо для общества, и будут действовать ему во благо, если им удастся надежно оградить свою власть от посягательств. Однако, стремясь обезопасить свою власть, они не признавали в своих действиях никаких ограничений – ни Божьих, ни человеческих. И до тех пор, пока такая безопасность не достигнута, в их перечне первоочередных задач благополучие и счастье вверенных им народов отодвигались на последнее место.

Сегодня главная черта советского режима в том, что до сих пор этот процесс политической консолидации не завершен и кремлевские правители все еще заняты главным образом борьбой за ограждение от посягательств на власть, которую они захватили в ноябре 1917 года и стремятся превратить в абсолютную. Прежде всего они старались оградить ее от внутренних врагов в самом советском обществе. Они пытаются обезопасить ее и от посягательств со стороны внешнего мира. Ведь их идеология, как мы уже видели, учит, что окружающий мир враждебен им и что их долг – когда-нибудь свергнуть стоящие у власти политические силы за пределами их страны. Могучие силы русской истории и традиции способствовали укреплению в них этого убеждения. И наконец, их собственная агрессивная непримиримость к внешнему миру в конце концов вызвала ответную реакцию, и они вскоре были вынуждены, говоря словами того же Гибсона, «заклеймить высокомерие», которое сами и вызвали. У каждого человека есть неотъемлемое право доказать себе, что мир к нему враждебен, если достаточно часто это повторять и исходить из этого своих действиях, неизбежно в конце концов окажешься прав.

Образ мышления советских руководителей и характер их идеологии определяют, что никакая оппозиция не может быть официально признана полезной и оправданной. Теоретически такая оппозиция – это порождение враждебных, непримиримых сил умирающего капитализма. До тех пор пока официально признавалось существование в России остатков капитализма, можно было свалить часть вины за сохранение в стране диктаторского режима на них как на внутреннюю силу. Но по мере того как эти остатки ликвидировали, такое оправдание отпадало. Оно совсем исчезло, когда было официально объявлено, что они наконец уничтожены. Это обстоятельство породило одну из главных проблем советского режима: поскольку капитализм в России больше не существовал, а Кремль не был готов открыто признать, что в стране может самостоятельно возникнуть серьезная широкая оппозиция со стороны подвластных ему освобожденных масс, появилась необходимость оправдать охранение диктатуры тезисом о капиталистической угрозе извне.

² Здесь и далее в этой статье под словом «социализм» имеется в виду марксистский или ленинский коммунизм, а не либеральный социализм в трактовке II Интернационала. – *Прим. пер.*

Началось это давно. В 1924 году Сталин, в частности, обосновывал сохранение органов подавления, под которыми среди прочих он подразумевал армию и секретную полицию, тем, что, «до тех пор пока существует капиталистическое окружение, сохраняется опасность интервенции со всеми вытекающими из нее последствиями». В соответствии с этой теорией с того времени любые силы внутренней оппозиции в России последовательно выдавались за агентов реакционных иностранных держав, враждебных советской власти. По той же причине настоятельно подчеркивался изначальный коммунистический тезис об антагонизме между капиталистическим и социалистическим миром.

Множество примеров убеждают, что этот тезис в реальности не имеет над собой оснований. Относящиеся к нему факты в значительной степени объясняются искренним возмущением, которое вызывали за рубежом советские идеология и тактика, а также, в частности, существованием крупных центров военной мощи – нацистского режима в Германии и правительства Японии, которые в конце 30-х годов в самом деле вынашивали агрессивные планы против Советского Союза. Однако есть все основания полагать, что тот упор, который делается Москвой на угрозу советскому обществу из внешнего мира, объясняется не реальным существованием антагонизма, а необходимостью оправдать сохранение внутри страны диктаторского режима.

Сохранение такого характера советской власти, а именно стремления ограниченному господству внутри страны одновременно с насаждением полумифа о непримиримой враждебности внешнего окружения, в значительной мере способствовало формированию того механизма советской власти, с которым мы имеем дело сегодня. Внутренние органы государственного аппарата, которые не отвечали поставленной цели, отмирали. Те же, которые отвечали цели, непомерно разбухали. Безопасность советской власти стала опираться на железную дисциплину в партии, на жестокость и вездесущность секретной полиции и на безграничную монополию государства в области экономики. Органы подавления, в которых советские лидеры видели защитников от враждебных сил, в значительной мере подчинили себе тех, кому они должны были служить. Сегодня главные органы советской власти поглощены совершенствованием диктаторской системы и пропагандой тезиса о том, что Россия – это осажденная крепость, у стен которой притаились враги. И миллионы сотрудников аппарата власти должны до последнего отстаивать такой взгляд на положение в России, ибо без него они окажутся на удел.

В настоящее время правители уже не могут и думать обойтись без органов подавления. Борьба за неограниченную власть, которая ведется вот уже почти три десятилетия с беспрецедентной (по крайней мере, по размаху) в наше время жестокостью, снова вызывает ответную реакцию как внутри страны, так и за ее пределами. Эксцессы полицейского аппарата сделали скрытую оппозицию режиму гораздо более сильной и опасной, чем та, которая могла бы быть до начала этих эксцессов.

И уж меньше всего правители готовы отказаться от измышлений, которыми они оправдывают существование диктаторского режима. Ибо эти измышления уже канонизированы в советской философии теми эксцессами, которые во имя них совершались. Теперь они прочно закрепились в советском образе мышления с помощью средств, далеко выходящих за рамки идеологии.

II

Такова история. Как же она отражается на политической сущности советской власти нынешнего дня?

В первоначальной идеологической концепции официально ничто не изменилось. По-прежнему проповедуются тезис об изначальной порочности капитализма, о неизбежности его гибели и о миссии пролетариата, который должен этой гибели способствовать и взять власть в свои руки. Но теперь упор делается главным образом на те концепции, которые имеют конкретное отношение к советскому режиму как таковому: на его исключительном положении как единственного истинно социалистического строя в темном и заблудшем мире и на взаимоотношениях власти внутри него.

Первая концепция касается имманентного антагонизма между капитализмом и социализмом. Мы уже видели, какое прочное место занимает в основах советской власти. Она оказывает глубокое воздействие на поведение России как члена международного сообщества. Она означает, что никогда Москва искренне не признает общности целей Советского Союза и стран, которые она считает капиталистическими. По всей вероятности, в Москве полагают, что цели капиталистического мира антагонистичны советскому режиму и, следовательно, интересам народов, контролируемых им. Если время от времени советское правительство ставит свою подпись под документами, в которых говорится обратное, то это надо понимать как тактический маневр, дозволенный в отношениях с врагом (всегда бесчестным), и воспринимать в духе *saveat emptor*³. В основе же антагонизм остается. Он постулируется. Он становится источником многих проявлений внешней политики Кремля, которые вызывают у нас беспокойство: скрытности, неискренности, двуличия, настороженности, подозрительности и общего недружелюбия. В обозримом будущем эти проявления, по-видимому, сохранятся, будут варьироваться лишь степень и масштаб. Когда русским что-то от нас нужно, та или иная характерная черта их внешней политики временно отодвигается на задний план, в таких случаях всегда находятся американцы, которые спешат радостно объявить, что «русские уже изменились», а некоторые из них даже пытаются приписать себе заслуги в происшедших «переменах». Но мы не должны поддаваться на подобные тактические уловки. Эти характерные черты советской политики, как и постулаты, из которых они вытекают, составляют внутреннюю сущность советской власти и всегда будут присутствовать на переднем или заднем плане, до тех пор пока эта внутренняя сущность не изменится.

Это означает, что нам еще долго придется испытывать трудности в отношениях с русскими. Это не значит, что их надо воспринимать в контексте их программы во что бы то ни стало осуществить к определенному сроку

³ Здесь: предостережения (лат.).

переворот в нашем обществе. В теоретическом положении о неизбежности гибели капитализма, к счастью, содержится намек, что с этим можно не спешить. Прогрессивные силы могут, не торопясь, готовиться к окончательному *coup de grace*⁴. Пока же жизненно важно, чтобы «социалистическое отечество», этот оазис власти, уже отвоеванный для социализма в лице Советского Союза, любили и защищали все истинные коммунисты в стране и за рубежом; чтобы они способствовали его процветанию и клеймили позором его врагов. Помощь же незрелым «авантюристическим» революциям за границей, которая могла бы каким-то образом поставить советскую власть в затруднительное положение, должна рассматриваться как непростительный и даже контрреволюционный шаг. Как решили в Москве, дело социализма состоит в том, чтобы поддерживать и укреплять советскую власть.

Тут мы подходим ко второй концепции, определяющей сегодня советское поведение. Это тезис о непогрешимости Кремля. Советская концепция власти, не допускающая каких-либо организационных очагов вне самой партии, требует, чтобы в теории партийное руководство оставалось единственным источником истины. Ибо, если бы истина обнаружилась где-то еще, то это могло бы служить оправданием для ее проявления в организованной деятельности. Но именно этого Кремль не может допустить и не допустит.

Следовательно, руководство коммунистической партии всегда право и всегда было право начиная с 1929 года, когда Сталин узаконил свою личную власть, объявив, что решения политбюро принимаются единогласно.

На принципе непогрешимости основывается железная дисциплина внутри коммунистической партии. На самом деле эти два положения взаимосвязаны. Строгая дисциплина требует признания непогрешимости. Непогрешимость требует соблюдения дисциплины. Вместе они в значительной мере определяют модель поведения всего советского аппарата власти. Но значение их можно понять, только если принять во внимание третий фактор, а именно: руководство может в тактических целях выдвигать любой тезис, который считает полезным для дела в данный момент, и требовать преданного и безоговорочного согласия с ним всех членов движения в целом. Это означает, что истина не неизменна, а фактически создается самими советскими лидерами для любых целей и намерений. Она может изменяться каждую неделю или каждый месяц. Она перестает быть абсолютной и непреложной и не вытекает из объективной реальности. Она всего лишь самое последнее конкретное проявление мудрости тех, кого следует считать источником истины в конечной инстанции, потому что они выражают логику исторического процесса. В совокупности все три фактора придают подчиненному аппарату советской власти непоколебимое упорство и монолитность во взглядах. Эти взгляды изменяются не иначе, как по указанию Кремля. Если по данному вопросу текущей политики выработана определенная партийная линия, то вся советская государственная машина, в том числе и дипломатия, начинает неуклонно двигаться по предписанному пути, как заведенный игрушечный автомобиль, который пущен в заданном направлении и остановится только при столкновении с превосходящей силой. Люди, являющиеся деталями этого механизма, глухи к доводам разума, которые доносятся до них извне. Вся их подготовка приучает не доверять и не признавать видимую убедительность внешнего мира. Подобно белой собачке перед граммофоном, они слышат только «голос хозяина»⁵. И чтобы они отклонились от линии, продиктованной сверху, приказ должен исходить только от хозяина. Таким образом, представитель иностранной державы не может рассчитывать на то, что его слова произведут на них хоть какое-то впечатление. Самое большее, на что он может надеяться, – это что его слова будут переданы наверх, где сидят люди, которые в силах изменить линию партии. Но даже на этих людей вряд ли может подействовать нормальная логика, или она исходит от представителя буржуазного мира. Поскольку ссылаться на общность целей бесполезно, то столь же бессмысленно и рассчитывать на одинаковый подход. Поэтому факты для кремлевских руководителей значат больше, чем слова, а слова приобретают наибольший вес, когда они подкрепляются фактами или отражают факты, имеющие неоспоримую ценность.

Однако мы уже убедились, что идеология не требует от Кремля быстрого осуществления его целей. Как и церковь, он имеет дело с идеологическими концепциями, рассчитанными на длительный срок, и потому может позволить себе не торопиться. Он не имеет права рисковать уже достигнутыми завоеваниями революции ради призрачных химер будущего. Само ленинское учение призывает к большой осторожности и гибкости в достижении коммунистических целей. Опять же эти тезисы подкрепляются уроками истории России, где на протяжении веков на обширных просторах неукрепленной равнины велись малоизвестные сражения между кочевыми племенами. Здесь осторожность и осмотрительность, изворотливость и обман были важными качествами; естественно, что для человека с русским или восточным складом ума качества эти имеют большую ценность. Поэтому Кремль без сожаления может отступить под напором превосходящей силы. И поскольку время не имеет ценности, он не поддается панике, если приходится отступить. Его политика – плавный поток, который, если ему ничто не мешает, непрестанно движется к намеченной цели. Его главная забота – во что бы то ни стало заполнить все уголки и впадины в бассейне мировой власти. Но если на своем пути он наталкивается на непреодолимые барьеры, он воспринимает это философски и приспосабливается к ним. Главное, чтобы не иссякал напор, упорное стремление к желанной цели. В советской психологии нет и намек на то, что эта цель должна быть достигнута в определенные сроки.

Подобные размышления приводят к выводу, что иметь дело с советской дипломатией одновременно и легче, и труднее, чем с дипломатией таких агрессивных лидеров, как Наполеон или Гитлер. С одной стороны, она более чувствительна к сопротивлению, готова отступить на отдельных участках дипломатического фронта, если противостоящая ей сила оценивается как превосходящая и, следовательно, более рациональная с точки зрения логики и риторики власти. С другой стороны, ее непросто одолеть или остановить, одержав над ней одну-единственную победу. А настойчивое упорство, которое движет ею, говорит о том, что успешно противостоять ей можно не с помо-

⁴ Смертельному удару (*фр.*).

⁵ Фирменный знак известной звукозаписывающей компании «RCA Victor» – His Master's Voice («Голос его хозяина»). – *Прим. сост.*

щью спорадических действий, зависящих от мимолетных капризов демократического общественного мнения, но только с помощью продуманной долговременной политики противников России, которая была бы не менее последовательной в своих целях и не менее разнообразной и изобретательной в средствах, чем политика самого Советского Союза.

В данных обстоятельствах краеугольным камнем политики Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу, несомненно, должно быть длительное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание экспансионистских тенденций России. Важно отметить, однако, что такая политика не имеет ничего общего с внешней суровостью, с пустыми или хвастливыми заявлениями о твердости. Хотя Кремль чаще всего проявляет гибкость, сталкиваясь с политическими реалиями, он, несомненно, становится неподатливым, когда речь заходит о его престиже. Бестактными заявлениями и угрозами советское правительство, как и почти всякое другое, можно поставить в такое положение, когда оно не сможет уступить, даже вопреки требованиям реальности. Русские руководители хорошо разбираются в человеческой психологии и отлично понимают, что потеря самообладания не способствует упрочению позиций в политике. Они умело и быстро пользуются подобными проявлениями слабости. Поэтому, чтобы успешно строить отношения с Россией, иностранное государство должно непременно сохранять хладнокровие и собранность и предъявлять требования к ее политике таким образом, чтобы у нее оставался открытым путь к уступкам без ущерба для престижа.

III

В свете сказанного становится ясно, что советское давление на свободные институты западного мира можно сдерживать лишь с помощью искусного и бдительного противодействия в различных географических и политических точках, постоянно меняющихся в зависимости от сдвигов и перемен в советской политике, но его нельзя устранить с помощью заклинаний и разговоров. Русские ожидают бесконечного поединка и считают, что уже добились больших успехов. Мы должны помнить, что в свое время коммунистическая партия играла значительно меньшую роль в российском обществе, чем сегодняшняя роль Советской страны в мировом сообществе. Пусть идеологические убеждения позволяют правителям России думать, что истина на их стороне и что они могут не торопиться. Но те из нас, кто этой идеологии не исповедует, могут объективно оценить правильность этих постулатов. Советская доктрина не только подразумевает, что западные страны не могут контролировать пути развития собственной экономики, но и предполагает беспредельное единство, дисциплинированность и терпеливость русских. Давайте трезво взглянем на этот апокалиптический постулат и предположим, что Западу удастся найти силы и средства для сдерживания советской власти в течение 10–15 лет. Чем обернется оно для России?

Советские лидеры, применив современную технику в искусстве деспотизма, решили проблему повиновения в рамках своего государства. Редко кто бросает им вызов; но даже эти немногие не могут вести борьбу против государственных органов подавления.

Кремль также доказал способность достигать своих целей, создав, не считаясь с интересами народов России, основы тяжелой индустрии. Этот процесс, правда, еще не завершен и продолжает развиваться, приближая Россию в этом отношении к основным промышленно развитым государствам. Однако все это – как поддержание внутренней политической безопасности, так и создание тяжелой индустрии – достигнуто за счет колоссальных потерь человеческих жизней, судеб и надежд. В невиданных нашего времени масштабах в условиях мира применяется принудительный труд. Другие отрасли советской экономики, особенно сельское хозяйство, производство товаров широкого потребления, жилищное жительство и транспорт, игнорируются или нещадно эксплуатируются.

Вдобавок ко всему война принесла страшные разрушения, громадные людские потери и бедность народа. Этим объясняется усталость, физическая и нравственная, всего населения России. Народ в массе разочарован и скептически настроен, советская власть для него уже не так притягательна как раньше, хотя она продолжает манить своих сторонников за рубежом. Энтузиазм, с которым русские воспользовались некоторыми послаблениями для церкви, введенными во время войны из тактических соображений, красноречиво свидетельствует, что их способности верить идеалам и служить им не нашли выражения в политике режима.

В подобных обстоятельствах физические и психические силы людей небеспредельны. Они объективны и действуют в условиях даже самых жестоких диктатур, так как люди просто не способны их преодолеть. Лагерь принудительного труда и другие институты подавления – временное средство заставить людей работать больше, чем требует их желание или экономическая необходимость. Если люди все же остаются в живых, они преждевременно стареют и их следует считать жертвами диктаторского режима. Во всяком случае, их лучшие способности уже утрачены для общества и не могут быть поставлены на службу государству.

Теперь надежда только на новое поколение. Новое поколение, несмотря на лишения и страдания, многочисленно и энергично; к тому русские – талантливый народ. Пока еще, правда, неясно, как отразятся на этом поколении, когда оно вступит в пору зрелости, чрезвычайные эмоциональные перегрузки детства, порожденные советской диктатурой и сильно усугубленные войной. Такие понятия, как обычная безопасность и спокойствие в собственном доме, теперь существуют в Советском Союзе разве что только в самых отдаленных деревнях. И нет уверенности, что все это не скажется на общих способностях того поколения, которое сейчас вступает в пору зрелости.

Помимо этого, налицо факт, что советская экономика, хотя она может похвастаться значительными достижениями, развивается настораживающе неровно и неравномерно. Русские коммунисты, говорящие о «неравномерном развитии капитализма», должны были бы сгорать от стыда, глядя на свою экономику. Масштабы развития некоторых ее отраслей, например металлургической или машиностроительной, вышли за рамки разумных пропорций по сравнению с развитием других отраслей хозяйства. Перед нами государство, которое стремится в течение небольшого срока стать одной из великих промышленных держав и при этом не располагает приличными шоссе-

ми дорогами, а ее железнодорожная сеть весьма несовершенна. Много уже сделано для того, чтобы поднять производительность труда и научить полуграмотных крестьян обращению с машинами. Однако материально-техническое обслуживание до сих пор является самой страшной прорехой советской экономики. Строительство ведется поспешно и некачественно. Амортизационные расходы, вероятно, огромны. Во многих отраслях экономики так и не удалось привить рабочим хоть какие-то элементы общей культуры производства и технического самоуважения, свойственного квалифицированным рабочим Запада.

Трудно представить себе, каким образом уставшим и подавленным людям, которые трудятся в условиях страха и принуждения, удастся быстро устранить эти недостатки. И до тех пор, пока они не будут преодолены, Россия останется экономически уязвимой и в некотором роде немощной страной, которая может экспортировать свой энтузиазм или распространять необъяснимые чары своей примитивной политической живучести, но не в состоянии подкрепить эти предметы экспорта реальными свидетельствами материальной мощи и процветания.

Вместе с тем над политической жизнью Советского Союза нависла большая неопределенность, та самая неопределенность, которая связана с переходом власти от одного человека к другому или от одной группы лиц к другой.

Эта проблема, конечно, связана главным образом с особым положением Сталина. Нельзя забывать, что наследование им исключительного положения Ленина в коммунистическом движении – это пока единственный случай перехода власти в Советском Союзе. Понадобилось двенадцать лет, чтобы закрепить этот переход. Это обошлось народу в миллионы жизней и сотрясло основы государства. Побочные толчки ощущались во всем международном коммунистическом движении и нанесли урон самим кремлевским руководителям.

Вполне возможно, что следующая передача неограниченной власти произойдет тихо и незаметно, без каких-либо пертурбаций. Но в то же время не исключено, что связанные с этим проблемы приведут, говоря словами Ленина, к одному из тех «необычайно быстрых переходов» от «тонкого обмана» к «разнузданному насилию», которые характерны для истории России, и сотрясут советскую власть до основания.

Но дело не только в самом Сталине. Начиная с 1938 года в высших эшелонах советской власти наблюдается настораживающая заостренность политической жизни. Всесоюзный съезд Советов, который теоретически считается высшим органом партии⁶, должен собираться не реже чем раз в три года. Последний съезд был почти восемь лет назад. За это время численность членов партии выросла вдвое. За время войны огромное число коммунистов погибло, и теперь более половины всех членов партии – это люди, которые вступили в ее ряды уже после последнего съезда. Тем не менее на вершине власти, несмотря на все злоключения страны, остается все та же небольшая группа лидеров. Безусловно, есть причины, по которым испытания военных лет повлекли за собой коренные политические изменения в правительствах всех крупных западных государств. Причины этого явления достаточно общие, а потому должны присутствовать и в скрытой от взоров советской политической жизни. Но никаких признаков подобных процессов в России не видно.

Направляется вывод, что в рамках даже такой в высшей степени дисциплинированной организации, как коммунистическая партия, непременно должны все больше проявляться различия в возрасте, взглядах и интересах между огромными массами рядовых членов, вступивших в нее сравнительно недавно, и очень небольшой группой бессменных высших руководителей, с которыми большинство этих членов партии никогда не встречались, никогда не разговаривали и с которыми у них не может быть никакой политической близости.

Трудно предсказать, будет ли в этих условиях неизбежное омоложение высших эшелонов власти происходить (а это лишь вопрос времени) мирно и гладко или же соперники в борьбе за власть обратятся к политически незрелым и неопытным массам, чтобы заручиться их поддержкой. Если верно последнее, то коммунистической партии нужно ожидать непредсказуемых последствий: ведь рядовые члены партии учились работать лишь в условиях железной дисциплины и подчинения и совершенно беспомощны в искусстве достижения компромиссов и согласия. Если в коммунистической партии произойдет раскол, который парализует ее действия, то хаос и беспомощность общества в России обнаружатся в крайних формах. Ибо, как уже говорилось, советская власть – это лишь оболочка, скрывающая аморфную массу, которой отказано в создании независимой организационной структуры. В России нет даже местного самоуправления. Нынешнее поколение русских понятия не имеет о самостоятельных коллективных действиях. Поэтому если произойдет нечто такое, что нарушит единство и эффективность партии как политического инструмента, то Советская Россия может мгновенно превратиться из одной из сильнейших в одну из самых слабых и жалких стран мира.

Таким образом, будущее советской власти отнюдь не так безоблачно как по русской привычке к самообману может показаться кремлевским правителям. То, что они могут удерживать власть, они уже продемонстрировали. Но им еще предстоит доказать, что они могут легко и спокойно передать ее другим. Однако тяжелое бремя их господства и превратностей международной жизни заметно подточили силы и надежды великого народа, на котором покоится их власть. Любопытно отметить, что идеологическое воздействие советской власти в настоящее время сильнее за пределами России, куда не могут дотянуться длинные руки советской полиции⁷. В связи с этим на память приходит сравнение, которое есть в романе Томаса Манна «Будденброки». Рассуждая о том, что человеческие институты приобретают особый внешний блеск как раз в тот момент, когда их внутренний распад достигает высшей точки, он уподобляет семейство Будденброков в пору его наивысшего расцвета одной из тех звезд, свет которых ярче всего освещает наш мир тогда, когда на самом деле они давно прекратили свое существование. Кто может

⁶ Так в оригинале. – *Прим. пер.*

⁷ Так в оригинале. – *Прим. сост.*

поручиться за то, что лучи, все еще посылаемые Кремлем недовольным народам западного мира, не являются тем самым последним светом угасающей звезды? Доказать это нельзя. И опровергнуть – тоже. Но остается надежда (и, по мнению автора этой статьи, довольно большая), что советская власть, как и капиталистический строй в ее понимании, несет в себе семена собственной гибели, и эти семена уже тронулись в рост.

Совершенно очевидно, что в обозримом будущем вряд ли можно ожидать политического сближения между Соединенными Штатами и советским режимом. Соединенные Штаты и впредь должны видеть в Советском Союзе не партнера, а соперника на политической арене. Они должны быть готовы к тому, что в советской политике найдет отражение не абстрактная любовь к миру и стабильности и не искренняя вера в постоянное счастливое сосуществование социалистического и капиталистического мира, а осторожное и упорное стремление подорвать и влияние всех противостоящих сил и стран.

Но нельзя забывать и того, что Россия по сравнению с западным миром в целом все еще слабая страна, что советская политика отличается большой неуравновешенностью и что в советском обществе, возможно, кроются пороки, которые в конечном счете приведут к ослаблению его общего потенциала. Это само по себе дает право Соединенным Штатам уверенно проводить политику решительного сдерживания, чтобы противопоставить русским нестигаемую силу в любой точке земного шара, где они попытаются посягнуть на интересы мира и стабильности.

Но в действительности возможности американской политики ни в коей мере не должны сводиться к проведению твердой линии на сдерживание и к надеждам на лучшее будущее. Своими действиями Соединенные Штаты вполне могут влиять на развитие событий как в самой России, так и во всем коммунистическом движении, которое оказывает значительное влияние на внешнюю политику России. И речь идет не только о скромных усилиях Соединенных Штатов по распространению информации в Советском Союзе и других странах, хотя это тоже важно. Речь, скорее, идет о том, насколько успешными будут наши усилия по созданию у народов мира представления о Соединенных Штатах как о стране, которая знает, чего хочет, которая успешно справляется со своими внутренними проблемами и обязанностями великой державы и которая обладает достаточной силой духа, чтобы твердо отстаивать свои позиции в современных идеологических течениях. В той степени, в которой нам удастся создавать и поддерживать такое представление о нашей стране, цели русского коммунизма будут казаться бесплодными и бессмысленными, у сторонников Москвы поубавится энтузиазма и надежд, а во внешней политике у Кремля прибавится проблем. Ведь старческая немощь и обветшалость капиталистического мира составляют краеугольный камень коммунистической философии. Поэтому уже одно то, что не сбудутся предсказания пророков с Красной площади, самоуверенно предрекавших со времени окончания войны, что в Соединенных Штатах неминуемо разразится экономический кризис, имело бы глубокие и важные последствия для всего коммунистического мира.

И напротив, проявления неуверенности, раскола и внутренней разобщенности в нашей стране воодушевляют коммунистическое движение в целом. Каждое такое проявление вызывает бурю восторга и новые надежды в коммунистическом мире; в поведении Москвы появляется самодовольство; новые сторонники из разных стран пытаются примкнуть к коммунистическому движению, принимая его за ведущую линию международной политики; и тогда напор русских возрастает по всем направлениям международных отношений.

Было бы преувеличением полагать, что одни Соединенные Штаты без поддержки других государств могли бы решить вопрос жизни и смерти коммунистического движения и вызвать скорое падение советской власти в России. Тем не менее США имеют реальную возможность значительно ужесточить условия, в которых осуществляется советская политика, заставить Кремль действовать более сдержанно и осмотрительно, чем в последние годы, и таким образом способствовать развитию процессов, которые неизбежно приведут либо к крушению советского строя, либо к постепенной его либерализации. Ибо ни одно мистическое, мессианское движение, и особенно кремлевское, не может постоянно терпеть неудачи, не начав рано или поздно так или иначе приспособляться к логике реального положения вещей.

Таким образом, решение вопроса в значительной мере зависит и от нашей страны. Советско-американские отношения – это, по существу, пробный камень международной роли Соединенных Штатов как государства. Чтобы избежать поражения, Соединенным Штатам достаточно быть на высоте своих лучших традиций и доказать, что они достойны называться великой державой.

Можно с уверенностью сказать, что это самое честное и достойное испытание национальных качеств. Поэтому всякий, кто внимательно следит за развитием советско-американских отношений, не будет сетовать на то, что Кремль бросил вызов американскому обществу. Напротив, он будет в какой-то мере благодарен судьбе, которая, послав американцам это суровое испытание; поставила саму их безопасность как нации в зависимость от их способности сплотиться и принять на себя ответственность морального и политического руководства, которое уготовано им историей.